

Органичный неврастеник

Евгений Князев — артист, который служит

Мне кажется, я хорошо знаю, как писать очерки про артистов. Рецепт, в сущности, прост: воспоминания о детстве, о юности, об учебе, о трудном выборе пути: "я долго шел к осознанию собственного призвания, а когда дошел — очень обрадовался". Плюс рассказы об учителях: "без них я бы не... а вот с ним я — ого-го!" Плюс анализ сыгранных ролей: "в этой роли он — особенно, но в этой — еще особенней". Плюс оптимистический финал: "мы надеемся, что его талант... эх, раз, еще раз и еще много, много раз!"

Но главное — все это в панегирическом тоне. Всенепременно в панегирическом, потому что артист получает мало денег, и славы ему всегда недодано, в конце концов, имеет же он право в кои-то веки прочесть о себе панегирик?

Когда я думаю о моем сегодняшнем герое — артисте Театра имени Вахтангова Евгении Князеве, понимаю, что как раз с панегириком и будут проблемы. И не потому, что он плохой артист. Ни в коей мере. Он, безусловно, один из лучших театральных артистов: не зря же, например, в знаменитом спектакле Петра Фоменко "Без вины виноватые" он не затерялся в компании звезд и вместе с ними получил Госпремию России.

И Сергей Юрский в свой спектакль "Провокация" пригласил его не случайно: у Сергея Юрьевича на таланты нюх особый. Кстати, пригласил его не по знакомству, а просто посмотрел его работы да и позвал. И Князев в "Провокации" сыграл одну из лучших своих ролей. Даже две роли.

Нет, совсем по иной причине панегирик не получается. Собственно, об этом и поговорим.

Если позабыть про панегирический тон, все получается традиционно: к призванию своему, например, артист действительно не сразу пришел. Не в том даже дело, что сын горного инженера Евгений Князев не хотел быть артистом или театр не любил. Как в семь лет впервые в театр попал, так и полюбил. Однако стеснялся о карьере артиста мечтать, как-то неловко было представлять себя артистом.

Кстати, до сих пор заслуженный артист, лауреат, руководитель актерского курса Евгений Князев остается человеком стеснительным, замкнутым и честно признается: "Мне удобнее на сцене, чем в жизни". Но это так — к слову.

Так, стеснительно мечтая о сцене, пошел сначала по стопам отца, выучился на горного инженера, но, едва получив диплом, тотчас отправился в Щукинское училище, где попал на глаза Людмиле Владимировне Ставской, поступил, стал учиться, попался на глаза Евгению Симонову, стал работать в Театре имени Вахтангова. В общем, все традиционно и неинтересно. Правда, в начале театральной карьеры Князев судьба попыталась сделать один неловкий кульбит, который, впрочем, мог все изменить. Дело в том, что впервые на сцену театра в большой роли Князев вышел на гастролях — это был срочный ввод в спектакль "Мистерия-буфф". Практически без настоящих репетиций его выпихнули на сцену, и от волнения он забыл текст. Вообще. Что-то пробекал-промекал и убежал со сцены с твердым намерением немедленно улететь в Москву и больше никогда в театре не появляться.

Однако сил бежать до гостиницы не было, и прямо в кармане сцены несостоявшийся дебютант рухнул в какие-то тряпки. Где и был обнаружен замечательным вахтанговским актером, режиссером и педагогом Владимиром Ивановым. Иванов очень вовремя напомнил молодому актеру, что, во-первых, у него просто шок, дело житейское. А во-вторых, ему предстоит еще один выход на сцену, поэтому до конца спектакля — просто так взять и уехать — не получится. Потом Иванов успокоил бушевавшего Евгения Симонова и

Фото М. ГУТЕРМАНА

уговорил того дать возможность Князеву и в следующем спектакле выйти на сцену. Второй выход получился более удачным.

С тех пор Князев и работает в Театре Вахтангова, постепенно став ведущим актером этого весьма академического театра.

Вот тут бы и начать про панегирическое. Но — невозможное дело. Своими глазами я видел, как после спектакля "Пиковая дама", в котором Князев блестяще играл Германа, артист физически не мог сразу подняться на поклон. Он воистину, а не образно отдал спектаклю всего себя. Я пошел в примерную и видел, как артист долго не может прийти в себя. Только после прихода младшей дочери Аси из глаз актера исчезла мусть, и он стал постепенно осознавать себя в реальности. (У Князева — две дочери, и, что не особенно характерно для актерской среды, обе от одной жены — Елены Дунаевой).

Князев играет в трех спектаклях знаменитого режиссера Петра Фоменко, и во всех мастер использует это его невероятное умение играть на пределе, оставаясь при этом абсолютно органичным. Редкое для современного театра амплуа органичного неврастеника используется, что называется, на все сто. Другие же умения этого, на мой взгляд, совершенно универсального артиста словно бы забываются.

К счастью, на сцене театра идет еще и спектакль "Посвящение Еве" в блистательной постановке Сергея Яшина. Два артиста — Василий Лановой и Евгений Князев — разыгрывают историю любви. Но как они это делают! Какое поразительное раз-

нообразии красок, какие удивительные превращения, какая невероятная и, извините за тавтологию, живая человеческая жизнь! Режиссура Яшина, словно бы незаметная и не бьющая в глаза какими-то изысками, помогает раскрыться артистам, а значит, и их героям. И зритель начинает следить не за трактовкой, а за жизнью персонажей.

В последнее время стало модным поругивать Театр Вахтангова. Я свой голос к этому хору не присоединю. Выдающийся актер Михаил Ульянов старается делать спектакли, в которых смогут блистать актеры его театра. Да, это не всегда получается. Да, труппа настолько сильная, что постоянно предоставлять работу всем невозможно. Но само стремление мне очень нравится. И то, что Ульянов дает возможность Князеву столь много работать, — замечательно. Как говорится, хотелось бы, чтоб и впредь...

Панегирический дух затихает во мне еще и потому, что я понимаю: Евгению Князеву, который играет иногда чуть ли не каждый день, действительно недодано славы, точнее — популярности. Театр — это работа, популярность — удача, фарт, лотерейный билет. Вытащил "многосерийный фильм" или там "ведущий телешоу" — вот уже и знаменитость.

Князев до сих пор не вытащил. И это обидно. Но не очень. У Евгения Князева есть свой стойкий зритель. На него ходят театралы. А кто сказал, что "на театре" удачливость актера определяется количеством поклонников?

Открывая первое занятие своего курса, доцент Евгений Владимирович Князев говорит студентам: "В

театре не работают, а служат. Это ежедневное служение, а не работа". Самое поразительное не то, что доцент говорит такие правильные слова, а то, что артист относится к своему делу именно так.

И поэтому он едет в Черемушки, чтобы играть в небольшом Театре "Бенефис". Служение ведь не бывает в знаменитом или незнаменитом театре. Оно просто или есть, или нет. У Князева оно есть.

В первые годы перестройки, во времена всеобщей "бизнесменизации" страны Князеву предложили заняться бизнесом. Предложил серьезный человек и всерьез. Князев, который зарабатывает ровно столько, сколько должен зарабатывать актер, то есть очень мало, отказался. Потому что больше всего на свете он любит выходить на сцену и работать.

Надеюсь, что когда-нибудь он соберется с духом, засунет куда-нибудь свою стеснительность и сам поставит спектакль в качестве режиссера. Тем более что желание такое у артиста есть.

Может быть, рассказывая о первой режиссерской работе Евгения Князева, я позволю себе наконец панегирические нотки. Пока же предлагаю просто задуматься о судьбе замечательного театрального актера.

Закончу же все-таки банально-оптимистично: слава тебе, Господи, что в наше время есть люди, которые готовы не использовать театр, а служить ему.

Ведь если они есть, значит, все не так уж и плохо?

Андрей МАКСИМОВ